

опубл. в: Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники, письма. Сост. Л.А. Зыков. М.: А.р.т., 2000

Иван Пуни - Николаю Пунину
март 1924 года. <Париж>

Милый и дорогой Николай Николаевич, Бог знает, сколько лет не писал Вам писем. Надеюсь, что Вы все-таки на меня не сердитесь. Но, должно быть, Витька Шкловский Вам обо мне и моих делах расскажет. Я его очень люблю и очень ему обязан и благодарен — другом мне был в Берлине, помогал. <...>

Сию я теперь в Париже, живу в мастерской, маленькая мастерская в первом этаже, это скульптурная мастерская. Выкрасил ее в розовый цвет, как и берлинскую. Я в Берлине этот розовый цвет на картинах в моду пустил (киноварь, охра и белила), все мальчишки драли в свои натюрморты. Что делается с русской берлинской выставкой, не знаю, а были у меня на ней два хороших натюрморта (один с розовой стенкой), и где они теперь, уж и не знаю я, прямо былина. Мы с Ксаной имеем маленький контракт до осени, театральный, должны за 1500 франков 20 говенных рисунков делать. Пробовали сначала делать хорошие рисунки, но сие нигде не подходит, везде гонят в шею, стали делать г... пока берут, имели глупость в Париже вначале спустить прикопленные деньги, понадеялись на французские любезности, на все манифики, эпатанты, мервейи [Magnifique, epatant, merveilleux - великолепно, потрясающе, чудесно] и т. под. и все это было очень неблагоприятно, потому что если б не спустили, не имели бы необходимости халтурить на сторону, и я бы мог бы весь год писать. Милый Николай Николаевич, как это ужасно, за все эти годы я все не мог всласть пописать. Ей-богу, дали бы мне возможность лет 5 комфортабельно пописать, а потом бы взорвали бомбой, очень бы хорошо было. Насчет моей живописи, пришлю Вам фото. Занимаюсь я ей больше для самоутешения и саморасстраивания, вроде зубной боли нечто, иногда даже приятно. Не знаю, что со мной произошло, потрясен я очень, и чувствую себя старой девой. Вещи пишу более или менее натуралистические, надобно сказать, что кубизм меня все-таки постоянно привлекал и привлекает, хотя и здесь хорошо его делает только Пикассо и то не всегда, зато в хороших, удавшихся вещах — весело выходит, без «гимназической зубрежки». Иногда ничего делает Глез. В парижском искусстве важно то, что оно очень органично. Пишут, как говорят, не напрягаясь, это действительно человеческое искусство, язык, а не склады складывают. Надобно, однако, сказать, что кубизм больше никто не делает, все ушли в разные стороны. Только пуристы остались в «Esprit Nouveau», но и они люди с нюхом, наверное, тоже скоро бросят. В Германии, наоборот, здорово «левят» и русские квадраты* считают верстами, но, наверное, и там скоро пройдет, есть уже кой-кто, кто в другую сторону тянет и не без успеха. Я же считаю, что просто надобно учиться, так как, во-первых, все мы поразительно мало знаем, а во-вторых, надо ж чем-нибудь утешаться. Знаете, мы, должно быть, слишком много фраз наговорили, и вот теперь нам тридцать лет, самая бы пора «настоящей любви», а слов-то больше нету. Я в России жил как деревянный, никаких романов, ничего, работал и семейный уют устраивал, и несбыточные мечтания имел, а за границу приехал и вдруг немного спустя как проснулся, всякая дрянь в голову полезла, как в двадцать лет вдруг, и вдруг пустота очутилась какая-то. Вот в дырку роман заткнул. С Витькой ведь в этом же роде история случилась*. Романтиками мы оказались, а жизнь оказывается таким говном и не случайным даже, вот, мол, просто запачкалось, а по существу, в корешке. Вот и занимайтесь чем-нибудь; тем паче живописью. Счастье еще хоть, что можно теперь «задач себе не ставить», что опять можно вернуться к тому, чтоб живопись дюймами мерить; в придачу, конечно, и трудно живется. Кто-то здесь мне про Вас говорил, что Вам нелегко. Жалко очень. Худо то, что не можешь ни на каком свинстве успокоиться или на ерунде какой-нибудь, ничего не выходит, оказался вдруг так взбудораженным, как курица после дождя. Волосы дыбом и ничего не сделаешь. Пишу я

очень красиво теперь, живопись делаю мягкую, как раз посредине между сухостью и несдержанностью. В этом отношении успехи сделал. В цвете стал гораздо лучше, чем был, Боже избави, присяжным колористом не стал. Пишу просто очень. <...>
Завтра у меня будет Озанфан, редактор «Esprit Nouveau», я с ним буду об разных вещах разговаривать. Может быть, можно будет как-нибудь с Вами и с ним наладить кой-какой обмен хроникой искусства. Может быть, можно бы и статьи как-нибудь поустраивать. Давайте как-нибудь все это устроим — здесь я теперь не временно, как в Германии, а надолго, по крайней мере года на три, так что есть смысл связь организовать. Жму крепко Вашу руку. Ксана кланяется. Поцелуйте от нас вашу девочку. Кланяйтесь супруге. Напишите мне письмо, пожалуйста.

Ваня Пуни.